

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

АПРѢЛЬ.

№ 12.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НАХОДКА.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ (стих.).

ВЪ БАЛАГАНѢ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Помѣщичья усадьба—для склеиванія

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT
5712 S. DICKINSON DRIVE
CHICAGO, ILL. 60637

№ 12. Апрель, 1915.

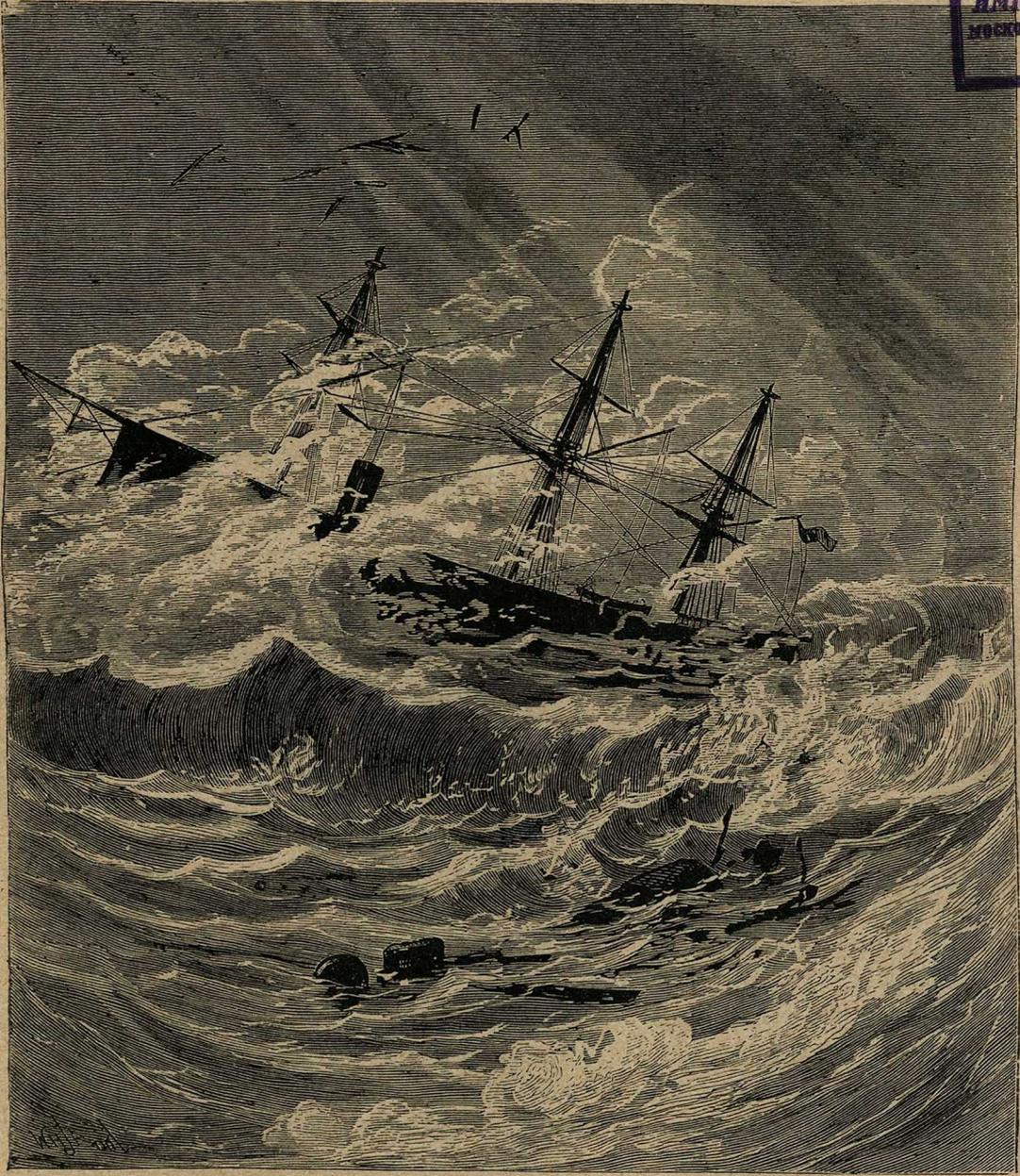
Годъ изданія VIII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ ГИМНАЗІЙСКІЙ
МУЗЕЙ

Въ бурю.

НАХОДКА.

Продавецъ фруктовъ, маленькій Омеръ, сидѣлъ со своимъ лоткомъ у воротъ небольшого арабскаго городка и съ безпокойствомъ поджидаль, не придетъ-ли издалека какой-нибудь караванъ, которому онъ могъ бы предложить свои товары. Съ самаго утра и до полудня онъ не продалъ еще ничего, его фрукты вяли и морщились отъ жары, а изъ своихъ горожанъ у него ихъ не покупалъ никто, такъ какъ у каждаго былъ свой садъ.

„Хоть-бы кто-нибудь пришелъ или пріѣхалъ издалека“... думаль онъ.

Но вотъ до него донеслись наконецъ со стороны пустыни крики погонщиковъ и обычный шумъ приближенія каравана и показалась длинная вереница нагруженныхъ тяжелыми тюками верблюдовъ.

Караванъ медленно приближался къ городу. Проходя затѣмъ мимо мальчика, пріѣзжіе бросали ему на лотокъ мѣдныя монеты, хватали его фрукты и жадно ихъ ѣли запекшимися устами.

— Здравствуй, Омеръ! кричали ему нѣкоторые. — Какъ ты выросъ! Мы знали еще твоего покойнаго отца! Онъ ѣздилъ съ нами въ караванахъ въ далекіе края. Будь здоровъ, сирота!

И караванъ вошелъ въ городъ

и расположился на площади на отдыхъ.

Мальчикъ задумался. Его отецъ когда-то сопровождалъ караваны тысячи верстъ и считался отличнымъ проводникомъ въ самыхъ безлюдныхъ песчаныхъ пустыняхъ; эти только-что пріѣхавшіе люди, которые омывали теперь съ наслажденіемъ холодной ключевой водой свои опаленныя солнцемъ лица и промывали запыленныя пескомъ ноздри у верблюдовъ — тоже вели свободный образъ жизни и бывали въ чужихъ краяхъ; а онъ, Омеръ, принужденъ съ утра и до вечера сидѣть здѣсь на одномъ мѣстѣ у городской стѣны и продавать фрукты, чтобы только чѣмъ-нибудь жить! Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ его отецъ отправился однажды съ караваномъ въ пустыню и уже не вернулся? Зачѣмъ самумъ засыпалъ его живьемъ, вмѣстѣ съ верблюдами и съ другими людьми пескомъ? Теперь Омеръ остался одинъ, сиротой, и долженъ вести эту скучную, одинокую жизнь у городской стѣны.

И съ каждымъ днемъ послѣ этого у Омера все болѣе и болѣе крѣпло желаніе какъ-нибудь скопить денегъ и купить своего собственнаго верблюда. На немъ онъ будетъ совершать свои поѣздки въ далекіе края, будетъ участвовать въ караванахъ, а можетъ быть, какъ

и его отецъ, со временемъ сдѣлается и проводникомъ. Развѣ сынъ моряка не любитъ моря, хотя въ немъ и потонулъ его отецъ? Развѣ можетъ быть что-нибудь вольнѣе и заманчивѣе пустыни для молодого араба? И каждый день Омеръ съ мечтательнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ на горизонтъ, гдѣ легкой едва замѣтной линіей пустыня сходилась съ небомъ, и губы его шептали:

— О, если-бы только у меня былъ верблюдъ!

И онъ сталъ копить деньги. Но много-ли накопишь мѣдныхъ грошей отъ продажи простонародныхъ лакомствъ, когда хорошій верблюдъ стоитъ сотни серебряныхъ монетъ? Все-таки ему удалось путемъ тяжкихъ лишеній скопить цѣлый серебряный піастръ, и онъ зашилъ его себѣ въ одежду.

„Одинъ уже есть!“ подумалъ онъ.— „Теперь скопить еще двѣсти девяносто девять и у меня будетъ свой собственный верблюдъ!“

Онъ такъ увлекся мечтами о верблюдѣ, что не могъ уже усидѣть на одномъ мѣстѣ и сталъ бродить по окрестностямъ города. И вдругъ нога его ощутила подъ собой что-то твердое, полузарытое въ песокъ. Омеръ нагнулся. О, счастье! Это оказался кѣмъ-то потерянный кошелекъ, полный золотыхъ монетъ!

Кругомъ не было ни души. Никто не видѣлъ, какъ онъ поднималъ это счастье. Никто объ этомъ ни-

когда и не узнаетъ, если онъ не скажетъ самъ. Онъ обрадовался, сунулъ кошелекъ запазуху и побѣжалъ къ себѣ, на свое обычное мѣсто у городскихъ воротъ, чтобы обдумать свое положеніе.

„А кошелекъ-то тяжелый!“ подумалъ онъ, не чуя, какъ билось отъ радости его сердце.

Онъ не рѣшался высыпать изъ него золото и сосчитать его. Но взвѣсивъ его на ладони, онъ тотчасъ-же сообразилъ, что найденныхъ денегъ съ избыткомъ хватитъ на покупку самаго лучшаго верблюда.

„А какъ поступилъ-бы въ этомъ случаѣ мой отецъ?“ вдругъ пришелъ ему въ голову вопросъ, и онъ вздрогнулъ.

Совѣсть ясно и отчетливо отвѣтила ему на этотъ вопросъ:— „Твой отецъ сталъ-бы искать того человека, который потерялъ этотъ кошелекъ, и возвратилъ-бы эти деньги сполна. Онѣ не твои. Ты ихъ только нашелъ“.

Омеръ тотчасъ-же вскочилъ и, бросивъ свой лотокъ, побѣжалъ въ городъ разыскивать собственника кошелька. Но не прошелъ онъ и двухсотъ шаговъ, какъ встрѣтилъ большую толпу людей, въ серединѣ которой стоялъ одѣтый въ феску и въ пестрый халатъ полицейскій глашатай и во все горло кричалъ:—

— Вниманіе! Слушайте всѣ и постарайтесь запомнить мои слова. Купецъ Селимъ потерялъ сегодня

свой кошелекъ съ деньгами! Кто его найдетъ и возвратитъ Селиму, тотъ получить въ награду половину всего содержимаго! Слушайте всѣ! Кто желаетъ остаться честнымъ и въ то-же время разбогатѣть, пусть тотъ возвратитъ купцу Селиму его кошелекъ!

Омеръ протискался сквозь толпу и протянулъ къ глашатаю свою находку.

— Я нашелъ его! крикнулъ онъ, внѣ себя отъ радости.— Вотъ этотъ кошелекъ!

Глашатай улыбнулся и похлопалъ его по плечу.

— Пойдемъ-же къ купцу Селиму! сказалъ онъ.— Онъ дастъ тебѣ половину этихъ денегъ.

Вся толпа, обыкновенно любящая приключенія, послѣдовала за ними.

Всю дорогу въ ней только и раздавались похвалы Омеру и радостные возгласы о томъ, что онъ будетъ теперь богатъ.

— Подвезло мальчишкѣ! говорили въ толпѣ.— И бываютъ-же такіе счастливыцы! Впрочемъ, ему нужно: онъ—сирота!

Но всѣ знали, что Селимъ былъ безмѣрно скупъ и что при дѣлежѣ, что-нибудь неожиданное да произойдетъ.

Пришли наконецъ къ магазину Селима.

— Эй, хозяинъ! закричала толпа.— Твой кошелекъ нашелся! Изволь-ка теперь раскошелиться

и уплатить этому мальчугану половину!

— Сейчасъ, сейчасъ! послышался голосъ въ отвѣтъ.— Надо еще убѣдиться, дѣйствительно ли этотъ кошелекъ мой!

Селимъ вышелъ и цѣпкими, худыми пальцами, какъ коршунъ, вцѣпилъ въ свой кошелекъ.

— Мой! мой! радостно закричалъ онъ и быстро сунулъ его за пазуху.

— Да ты сосчитай сперва въ немъ деньги! аакричали въ толпѣ.— Вѣдь половина этихъ денегъ должна принадлежать этому мальчику!

Купецъ Селимъ нехотя высыпалъ золото на столъ и сталъ его разглядывать.

— Ахъ, ты негодяй! вдругъ крикнулъ онъ на Омера.— А гдѣ-же бриллиантъ?

— Какой бриллиантъ? въ испугѣ переспросилъ мальчикъ.

— Да ты не притворяйся! продолжалъ купецъ, схвативъ Омера за шиворотъ.— Я научу тебя, какъ воровать! Гдѣ бриллиантъ? Отвѣчай! Ты возвращаешь мнѣ только золото, а гдѣ драгоценный камень? Небось, присвоилъ его себѣ? А вѣдь онъ стоитъ въ пять разъ дороже всѣхъ этихъ денегъ!

Омеръ вырвался изъ рукъ Селима, отскочилъ въ сторону и горделиво сказалъ:

— Я никогда ничего не воровалъ! Я даже и не заглядывалъ

къ тебѣ въ кошелекъ и не знаю, что тамъ въ немъ находилось. Если ты ищешь предлога, чтобы не дать мнѣ ничего, то такъ и скажи. Я не желаю отъ тебя брать ничего!

И онъ повернулся къ нему спиною и пошелъ.

— Благодарю еще, что такъ дешево отдѣлался! крикнулъ ему вслѣдъ Селимъ.—Тебя-бы слѣдовало посадить въ тюрьму! Но я тебя прощаю!

Тогда глашатай вмѣшался въ этотъ разговоръ.

— Мальчикъ, вернись! крикнулъ онъ Омеру.

Омеръ повернулъ обратно.

Тогда глашатай обратился къ Селиму:—

— По какому праву, спросилъ онъ, — ты можешь прощать или наказывать? Это право тебѣ вовсе не принадлежитъ. Если этотъ мальчуганъ, какъ ты говоришь, обворовалъ тебя, то его слѣдуетъ наказывать. Если-же онъ поступилъ честно, то ты обязанъ его вознаграждать. Идемте всѣ къ судѣ! Онъ разберетъ!

— Да, да! закричали всѣ въ толпѣ.— Идемте къ судѣ!

Глашатай взялъ Омера за руку и всѣ двинулись въ путь.

Придя къ судѣ, глашатай объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и всѣ стали ждать рѣшенія.

— Кто тебя нанялъ, обратился судья къ глашатаю,—чтобы кри-

чать на улицахъ и на площадяхъ о пропажѣ?

— Купецъ Селимъ.

— Что онъ поручилъ тебѣ кричать?

— Что онъ потерялъ кошелекъ съ деньгами.

— А говорилъ-ли онъ тебѣ что-нибудь о бриллиантѣ?

— Ровно ничего.

Тогда судья обратился къ купцу.

— Селимъ, спросилъ онъ,—почему ты ничего не сказалъ глашатаю о томъ, что въ кошелькѣ находился и бриллиантъ?

Въ толпѣ пронесся ропотъ одобренія. Но у Селима уже давно былъ готовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Если-бы я приказалъ глашатаю кричать и о бриллиантѣ, сказалъ онъ,—то тогда-бы я и вовсе его не получилъ обратно. Узнавъ, что въ кошелькѣ есть бриллиантъ, каждый первымъ дѣломъ постарался-бы его оттуда стащить и возвратитъ мнѣ однѣ только деньги. За что-же я буду еще дѣлиться ими съ этимъ мальчуганомъ? Довольно будетъ съ него и украденнаго имъ бриллианта!

— Не вѣрьте ему! вдругъ крикнулъ кто-то изъ толпы.—Это извѣстный скряга и негодяй!

Селимъ улыбнулся. Что для него было мнѣніе о немъ толпы? Для него были главное—деньги и для нихъ онъ готовъ былъ пожертвовать своею честью и даже обсчитать этого бѣднаго Омера!

Судья жестомъ остановилъ этотъ крикъ. Вся толпа вдругъ затихла и притаила дыханіе.

— Утверждаешь-ли ты, обратился судья къ Селиму,—что въ твоёмъ кошелькѣ дѣйствительно находился и брилліантъ?

— Да, твердо отвѣтилъ купецъ.—Я это утверждаю.

— Я вѣрю тебѣ, сказалъ судья.

И обратившись затѣмъ къ мальчику, онъ спросилъ и его:

— Утверждаешь-ли ты, что ты вовсе не заглядывалъ въ кошелекъ?

— Я клянусь въ этомъ! отвѣтилъ быстро мальчуганъ.

— Я вѣрю и тебѣ.

А затѣмъ, поднявшись съ мѣста, при всеобщемъ молчаніи и вниманіи присутствовавшихъ, судья постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

— Такъ какъ купецъ Селимъ потерялъ кошелекъ, въ которомъ кромѣ денегъ, находился еще и брилліантъ, и такъ какъ мальчикъ Омеръ вовсе не заглядывалъ въ этотъ кошелекъ, то отсюда слѣдуетъ, что этотъ кошелекъ принадлежалъ не Селиму, а кому-то другому. А такъ какъ кромѣ Селима никто о пропажѣ не заявлялъ, то, по законамъ нашей страны, весь этотъ кошелекъ полностью принадлежитъ нашедшему его Омеру.

Вся толпа въ восторгѣ отъ

этого рѣшенія захлопала въ ладоши. Селимъ упалъ на колѣни.

— Смилуйся надо мною! возмолвился онъ судьѣ.—Отдай мнѣ хоть половину этихъ денегъ!

— Какъ-же я тебѣ ихъ отдамъ, отвѣтилъ судья,—когда это кошелекъ не твой? Твой кошелекъ съ брилліантомъ и еще не найденъ. Вотъ когда онъ найдется, тогда—другое дѣло. Приходи тогда ко мнѣ, и я разберу твое дѣло и присужу его тебѣ. А теперь отправляйся къ себѣ въ лавку и торгуй на здоровье.

И судья отправился въ свою комнату.

Толпа разошлась. Селимъ чуть не плакалъ съ досады и въ первый разъ въ жизни сталъ ругать себя за жадность.

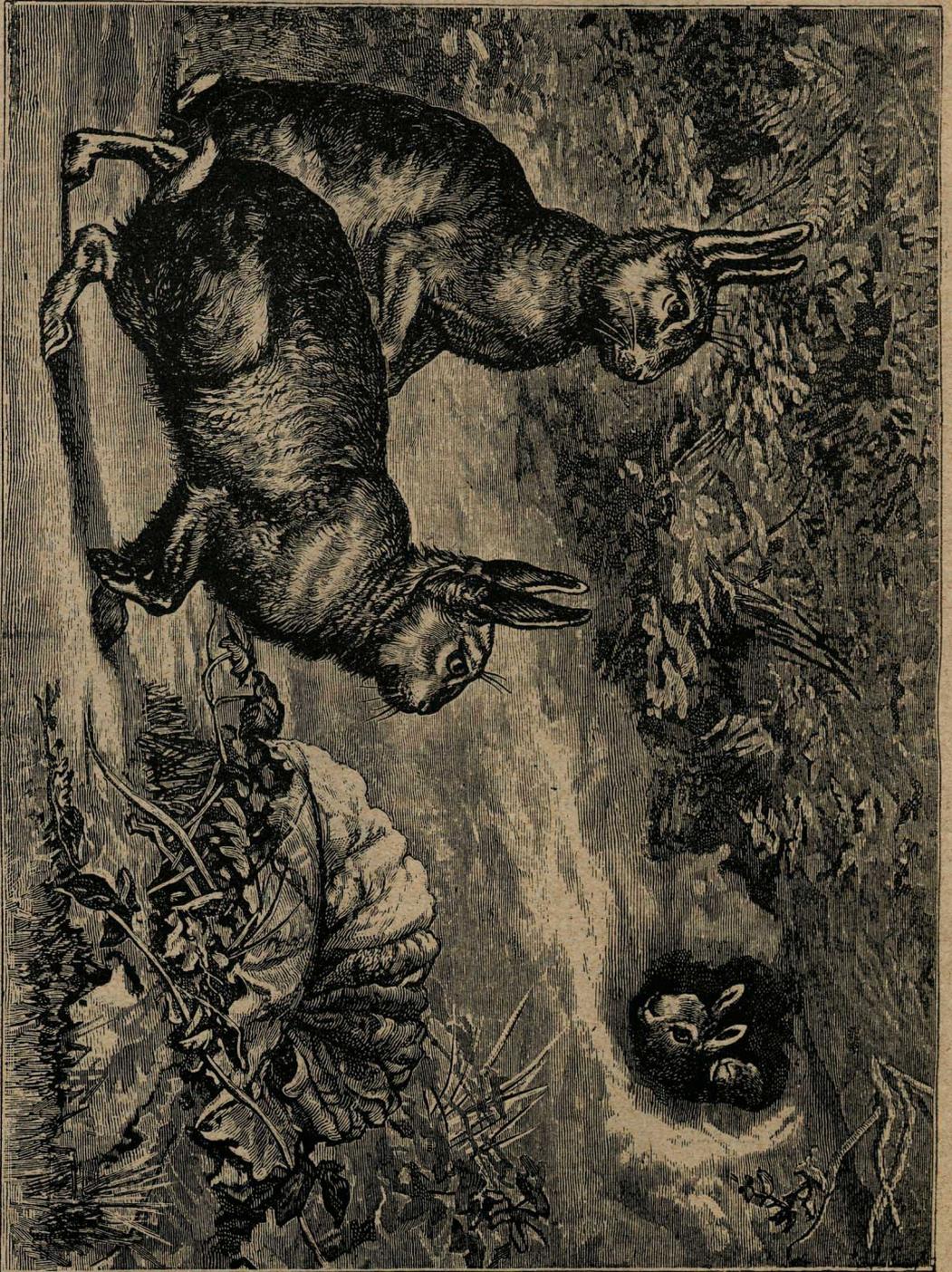
А маленькій Омеръ, несмотря на то, что былъ малъ, купилъ себѣ прекраснаго верблюда, поступилъ съ нимъ въ караванъ и сталъ совершать путешествія по пустынѣ.

Говорятъ, что изъ него вышелъ впоследствии превосходный проводникъ. О немъ знали въ Египтѣ, въ Нубіи и въ далекомъ Суданѣ. И при взглядѣ на него, никто не могъ-бы предположить, что это былъ когда-то маленькій, оборванный продавецъ фруктовъ у воротъ жалкаго арабскаго городка.

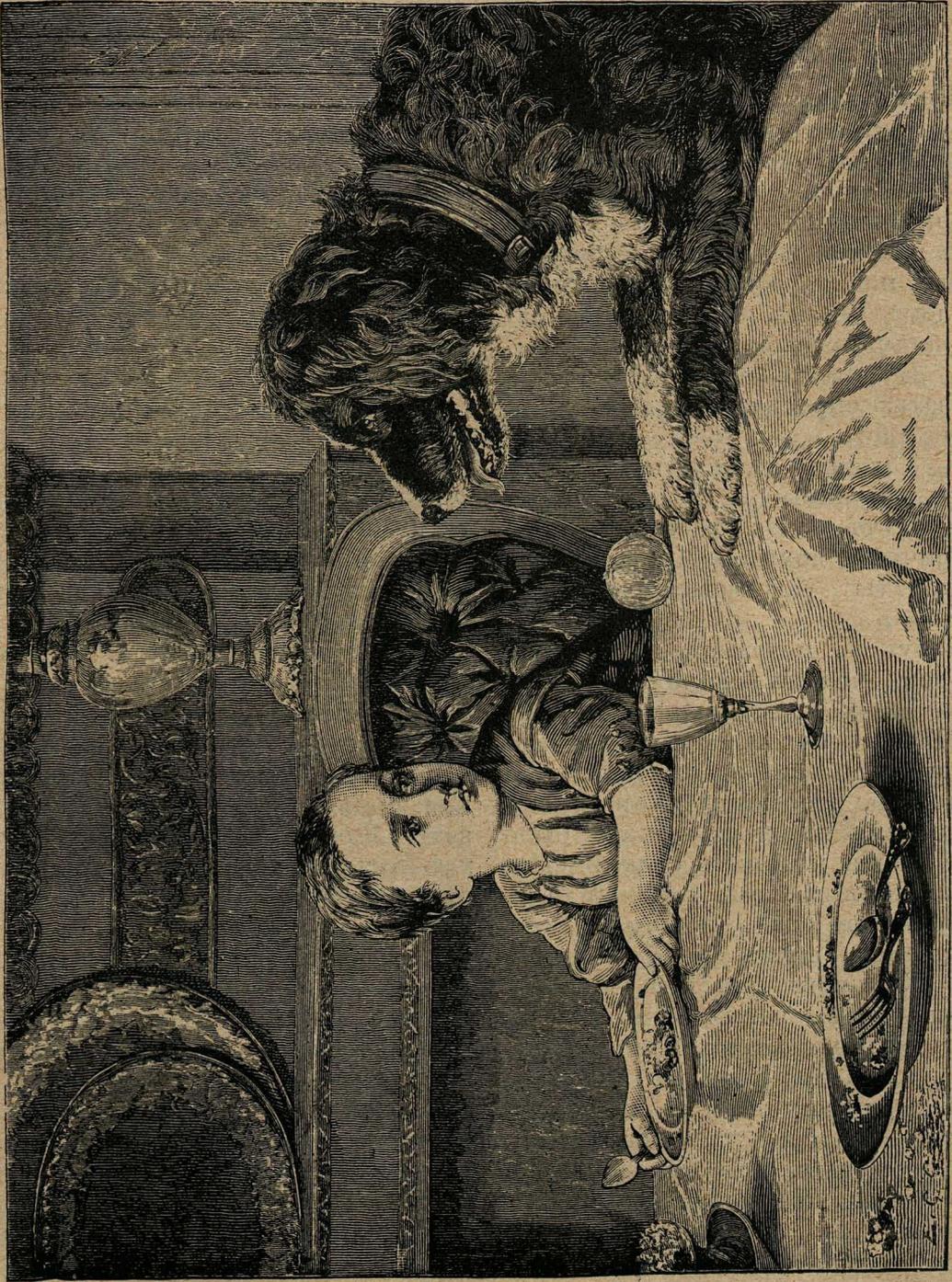
По С. de-Latour.

Съ ВИЗІТОМЪ.

— Дай кусочекъ..

ВЪ БАЛАГАНѢ.

Дуль вѣтеръ, шумѣли деревья и по стекламъ хлесталъ осенній дождь. Мы собрались вокругъ нашей бабушки и стали упрашивать ее что-нибудь намъ рассказать. Она любила, когда мы собирались около нея въ осеннія сумерки въ тепломъ уголкѣ, и всегда исполняла нашу просьбу.

— Ну, что-же вамъ, дѣтки, рассказать? спросила она насъ и на этотъ разъ.

— Сказку, сказку! закричали одни изъ насъ.

— Нѣтъ, былъ, бабушка, былъ! закричали другіе.— Мы любимъ, когда ты рассказываешь намъ былъ.

Бабушка подумала, поправила на себѣ чепецъ и начала.

— Вы хотите былъ? Ну, извольте. Пусть будетъ по вашему. Я была тогда еще очень маленькая и помню, что между Харьковымъ и нашимъ городомъ тогда не было еще почти никакихъ селеній. Магазиновъ въ нашемъ городкѣ было мало и кто былъ побогаче, тотъ запасался всѣмъ необходимымъ изъ Харькова или изъ Москвы, мы-же всѣ, которые побѣднѣе, дожидались ярмарки. Ярмарка была у насъ два раза въ годъ—въ маѣ и въ августѣ и на нее изда- лека съѣзжались съ товарами богатые купцы. Для насъ, дѣтей, это были дни большихъ праздниковъ. Мы съ утра и до вечера толкались въ публикѣ между лавочекъ и палатокъ, заглядывались на игрушки и на сласти и съ завистью прислушивались,

какъ другія дѣти дудѣли въ трубы и били въ игрушечные барабаны.

Пріѣзжали къ намъ на ярмарки и балаганы съ комедіантами, которые развѣшивали необыкновенныя картины и, сверкая на солнцѣ блесками своихъ костюмовъ, зывали публику къ себѣ на представленіе:—

— „Пожалуйте! Пожалуйте! Сейчасъ начинается!“

И я помню, что все время, съ утра и до вечера, тамъ звонили къ началу звонки.

Конечно, эти комедіанты привлекали къ себѣ наше особое вниманіе. Мы заранѣе уже выпрашивали у нашихъ отцовъ и матерей гривенники, чтобы только хоть однимъ глазкомъ взглянуть на представленіе. Но больше всѣхъ этими комедіями интересовалась моя сосѣдка—дѣвочка лѣтъ девяти Люба. Ее, бывало, хоть хлѣбомъ не корми, а только дай лишній разъ побывать въ балаганѣ.

А тутъ, какъ нарочно, то и дѣло на балкончикъ на балаганѣ выходятъ артисты, сверкаютъ своими одеждами, какъ чешуей, и заманиваютъ публику.

— „Сейчасъ начнется необыкновенное представленіе! кричатъ они.— Пожалуйте! Будутъ танцы знаменитой танцовщицы Граціозы! Негръ Джимбо и обезьяна Кукъ!“

Я помню, какъ на балкончикъ выходилъ черный, какъ уголь, негръ, барабанилъ въ огромный

барабанъ и дикимъ голосомъ приглашалъ публику къ себѣ въ балаганъ. Выбѣгала и обезьяна, одѣтая солдатомъ, и звонила въ колокольчикъ. Негръ и обезьяна были тогда диковинкой въ нашемъ городѣ и потому публика въ тотъ балаганъ валила валомъ. Не хватало даже мѣстъ.

Пошли туда и мы съ Любой. Она была внѣ себя отъ радости. Это „необыкновенное представление“ составляло предметъ ея лучшихъ мечтаній. Но что это былъ за балаганъ! Досчатый, дырявый, кое-гдѣ затянутый парусиной, онъ былъ увѣшанъ изнутри разными блестящими яркими тряпками и бумажными фонариками. На подмосткахъ распинались акробаты, смѣшили всѣхъ негръ и обезьяна, и танцевала дѣвица, одѣтая въ газовую розовую юбочку и съ золотой короной на головѣ. Это-то и была знаменитая танцовщица Граціоза. Играла шарманка, звенѣли бубны, а съ улицы доносился гомонъ тысячной толпы и моей маленькой Любѣ казалось, что она была не на землѣ, а гдѣ-то на облакахъ. Неужели когда-нибудь окончится это восхитительное представление? Люба смотрѣла и боялась, что скоро придетъ ему конецъ и она уже не увидитъ больше ни этой обезьяны, ни этого чудака-негра, ни этой дѣвушки—бабочки, танцующей въ воздухѣ на канатѣ, прыгающей сквозь обручи и сверкающей блестками на легкомъ платьицѣ. Она была точно пьяная. Съ широко раскрытыми глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ она старалась не пропустить ни одного ея движенія, и когда наконецъ представленіе

окончилось и въ балаганъ хлынула новая толпа, она разочарованно спросила:

— „Уже? Все?“

— „Да, все,“ отвѣтила я ей, и мы отправились къ себѣ домой.

На утро всѣ въ домѣ замѣтили, что съ Любой сдѣлалось что-то странное. Она перестала смѣяться и пѣть, отвѣчала какъ-то разсѣянно и стала задумываться. По цѣлымъ часамъ она ни съ кѣмъ не говорила ни слова и я замѣтила, что она раза два бѣгала на ярмарку къ балагану одна. Возвращалась она оттуда такою-же грустною, какою была и до этого, и даже еще грустнѣе. Это заинтересовало меня.

— „Ты чего сегодня такая?“ спросила я ее.

Она вздохнула, покраснѣла и опустила глаза.

— „Мнѣ такъ-бы хотѣлось сдѣлаться Граціозой!“ отвѣтила она стыдливо.

— „Что ты, что ты? испугалась я.—Да ты въ своемъ-ли умѣ?“

Но она посмотрѣла на меня уже большими, смѣлыми глазами.

— „Развѣ не хорошо носить такое легкое розовое платьѣ, какъ у Граціозы, отвѣтила она,—и такіе браслеты? Какъ-бы я хотѣла такъ порхать по воздуху, какъ она!“

Я дико посмотрѣла на нее и ушла. Ея слова показались мнѣ простой глупой болтовней. Я никогда раньше не замѣчала за ней ничего подобнаго.

Подъ самый конецъ ярмарки она прибѣжала ко мнѣ и сказала:—

— „Попроси мою маму, чтобы она отпустила меня сегодня въ комедію! Пойди со мной и ты“.

Я сходила къ ея мамѣ и попрѣсила.

— „Лучше подать нищему, отвѣтила мать,—чѣмъ тратить деньги на комедіантовъ. Кстати, сегодня и нѣтъ представленія. Я шла утромъ черезъ ярмарку и видѣла, что они уже укладываются. Завтра они уѣзжаютъ“.

— „Завтра уже уѣзжаютъ!“... вздохнула Люба.

На слѣдующій день Люба чуть свѣтъ, выбѣжала на край города и стала поджидать, когда мимо нея проѣдутъ комедіанты. Вотъ потянулась мимо нея колымага съ разнымъ балаганнымъ хламомъ. Рядомъ съ нею шель самъ содержатель балагана Григорій, забыла, какъ его по-фамилии. Теперь ужъ онъ былъ умытый и на негра вовсе не походилъ. Обезьяны-Кука, Граціозы и старухи-жены Григорія не было вовсе видно: очевидно, онѣ сидѣли внутри колымаги. Пропустивъ ихъ мимо себя, Люба еще долго задумчиво сидѣла на камнѣ и смотрѣла имъ вслѣдъ. Скоро они скрылись изъ виду за городскимъ лѣскомъ. Тогда она вдругъ вскочила и побѣжала за ними вдогонку; пробѣжавъ минутъ съ двадцать, она остановилась. Колымаги не было видно нигдѣ. Запыхавшись, она присѣла на пенекъ и вдругъ—кап-кап-кап...—на нее закапали крупныя капли дождя. Она посмотрѣла наверхъ. Небо потемнѣло. Сверкнула молнія, и вдругъ загремѣлъ громъ.

„Гроза!“ подумала она и испугалась.

Ничего не было видно: ни дома, ни какого-нибудь жилья. Только одни пни отъ вырубленнаго лѣса и за ними поле. Опять блеснула

молнія и на этотъ разъ громъ ударилъ уже съ такимъ трескомъ, что она испугалась не на шутку. Тутъ, чувствуя, что дѣло плохо, она закрыла глаза, схватилась за сердце и стала молиться:

— „Боженька, спаси меня! Ангель-хранитель, защити меня!“

А гроза все продолжалась. Не помня себя отъ страха, Люба пустилась со всѣхъ ногъ бѣжать, но только не въ ту сторону, куда было нужно. Долго она бѣжала такъ и вдругъ увидѣла передъ собой какой-то незнакомый каменный сарай. Онъ одиноко стоялъ среди поля. Вся мокрая отъ дождя, она бросилась къ нему—и вдругъ у нея изъ груди вырвался радостный крикъ. Какъ разъ у самой стѣны сарая, подъ крышей, стояла колымага. Она тоже укрылась тамъ отъ дождя. Люба побѣжала къ ней и прижалась къ ней плечомъ. Вотъ если-бы влѣзть туда внутрь! Тамъ теперь сухо, тепло и не такъ страшно, какъ здѣсь, гдѣ гремитъ не-удержимо громъ. Кстати она увидитъ тамъ Граціозу и другихъ артистовъ!

И вдругъ изъ колымаги высунулась голова Григорія.

— „Что ты здѣсь дѣлаешь, дѣвченка?“ грубо крикнулъ онъ на нее.

— „Я, дяденька, къ вамъ... робко отвѣтила она.—Пустите укрыться отъ дождя!“...

А сама и рада, что попадетъ сейчасъ къ комедіантамъ.

— „Гдѣ-же твои родители? спросилъ онъ.—Ты откуда?“

— „Я изъ города... отвѣтила она.—Мои родители дома“...

— „Какъ-же ты здѣсь очутилась?“

— „Я побѣжала за вами“.

— „За нами?.. Для чего-жъ тебѣ нужно было за нами бѣжать?“

— „Мнѣ такъ хотѣлось быть къ вамъ поближе!“

Григорій подумалъ.

— „Но вѣдь твои родители хватаются тебя и будутъ искать!“

Она смутилась и не отвѣтила ничего.

— „Впрочемъ, тамъ ужъ разберемъ! продолжалъ онъ.— Влѣзай скорѣе сюда!“

Люба влѣзла въ колымагу. Въ тотъ-же моментъ Григорій погналъ лошадей и, не смотря на грозу и дождь, колымага во всю скачь понеслась далѣе по дорогѣ.

— „Теперь надо спѣшить! шепнулъ онъ своей старухѣ.— А то насъ смогутъ догнать“...

Старуха взяла дѣвочку и усадила ее рядомъ съ собою.

— „Мы ѣдемъ?“ спросила ее Люба.

— „Да, ѣдемъ! отвѣтила хозяйка.— Молчи и не разговаривай!“

Люба оглядѣлась въ темнотѣ по сторонамъ.

— „А гдѣ-же негръ и Граціоза?“ спросила она.

— „Ихъ здѣсь нѣтъ...“ отвѣтила старуха.— Они остались въ городѣ. Они догонятъ насъ къ вечеру“.

Мѣрныя покачиванія колымаги, усталость и пережитые страхи отъ грозы сдѣлали свое дѣло и Любу стало клонить ко сну. Она вся была мокрая, а въ колымагѣ было такъ сухо и уютно, что она не справилась съ дремотой и заснула.

— „Вотъ такъ-то лучше!.. сказала старуха.— Спи!“...

Когда Люба проснулась, то колымага уже стояла. Въ ней не было никого. Она быстро вскочила и съ любопытствомъ выглянула на воздухъ. Они были въ густомъ лѣсу. Распряженные лошади щипали невдалекѣ траву. Привязанная цѣпью къ дереву обезьяна Кукъ, теперь уже безъ костюма, уныло грызла сухарь. Григорій наблюдалъ за варкою картошки въ котелкѣ, а его жена что-то шила.

— „Здравствуйте!“ обратилась къ нимъ Люба.

Всѣ трое подняли головы.

— „Уже проснулась?“ спросила старуха.

— „Да, отвѣтила Люба.— Мнѣ такъ хочется ѣсть!“

— „Послѣ получишь!.. Полѣзай скорѣе обратно въ фургонъ и притаись тамъ! Чтобы тебя тамъ не было ни видно, ни слышно! А не то“...

Григорій сказалъ это такимъ тономъ, что Люба испугалась и опять влѣзла въ колымагу.

— „Дарья, дай ей одѣться!“ крикнулъ Григорій старухѣ.

Дарья вслѣдъ за Любой влѣзла въ фургонъ и протянула ей какіе-то лохмотья.

— „Это не моя одежда! возразила Люба.— Моя была новая!“

— „Что ты мнѣ толкуешь? крикнула на нее старуха.— Ты бредишь, что-ли?“

— „Нѣтъ, моя мама сама мнѣ сшила мое платье! Гдѣ оно? Вы сняли его съ меня, когда я спала?“

— „Замолчать! Твоей матери здѣсь уже нѣтъ! Ты теперь наша!“ Люба поблѣднѣла.

— „Да, и ты теперь не Люба, а

Катька! Слышишь? Всѣмъ говори, что ты теперь Катька! Если кто спросить тебя, то ты такъ и скажи, что живешь, молюсь, съ нами уже десять лѣтъ!“

— „Нѣтъ, зарыдала Люба,—я къ вамъ пришла только сегодня утромъ!“

— „Что ты такое толкуешь? Да ты, Катька, право, сошла сегодня съ ума! То называешь себя почему-то Любой, а то говоришь, что пришла только сегодня.“

И сдѣлавъ строгое лицо, Дарья продолжала:—

— „Слышишь? Не смѣть у меня! Теперь ты Катька и живешь съ нами уже десять лѣтъ. Чтобы о твоёмъ прошломъ не зналъ никто! А не то я тебя убью!“

Дѣвочка съ ужасомъ посмотрѣла на эту толстую, плохо одѣтую, растрепанную старуху.

— „Отпустите меня домой... пролепетала она.—Я хочу къ мамѣ!“...

— „Не надоѣдай! крикнула на нее старуха.—Утри лучше свою морду и начинай учиться танцевать. Нечего даромъ ѣсть хлѣбъ!“

Она надѣла Любѣ на голову вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и толкнула ее къ разбитому зеркалу.

— „Вотъ зеркало! сказала она.—Учись посылать публикѣ улыбки!“

И для Любы началась новая жизнь. Ее одѣвали въ лохмотья, держали взаперти въ колымагѣ и плохо кормили. Несчастная, голодная обезьяна воровала у нея ея хлѣбъ и часто, прижавшись къ ней, смотрѣла на нее скорбными, просящими глазами. Любѣ было ее жаль и она чувствовала, что и для этого жалкаго существа жизнь сложилась такъ-же плохо, какъ и

для нея. А ее учили танцевать на канатѣ, иногда больно били и по прежнему называли Катькой, точно другого имени у нея и не было никогда. Дарья учила Любу раскланиваться и посылать публикѣ воздушные поцѣлуи и съ очаровательной улыбкой обходить воображаемыхъ зрителей съ чашечкой. Если урокъ ходьбы по канату не удавался ей, то въ рукѣ у Григорія появлялся хлыстъ. Доставалось и обезьянѣ, вопль и стоны которой не давали Любѣ спать. Послѣ побоевъ обезьяна забивалась обыкновенно въ уголъ и глядѣла оттуда боязливыми, злобыными глазами.

Благодаря этимъ обоюднымъ страданіямъ, дѣвочка и обезьяна стали питать другъ къ другѣ нѣкоторую нѣжность. Однажды, когда обезьянѣ досталось сильнѣе обыкновеннаго, Люба подошла къ ней, взяла ее на руки и стала ее баюкать и цѣловать въ лысенъкій лобъ. А когда на другой день была наказана и Люба и рыдала въ колымагѣ, то вдругъ чья-то косматая рука обвила ея шею. Это была обезьяна Кукъ. Ея сочувственныя гримасы вызвали у дѣвочки невольную улыбку. Значить, у Любы былъ здѣсь хоть одинъ искренній другъ!

Онѣ спали вмѣстѣ. Уставши за день, обезьяна тотчасъ-же крѣпко засыпала, но Люба каждую ночь долго не могла заснуть. Но и во снѣ ей видѣлись однѣ только страшныя вещи: то она ходитъ по канату и онѣ лопается подъ ней и она падаетъ на землю, а то ея хозяинъ превращается въ чудовище и хочетъ ее съѣсть. Она вскрикивала и просыпалась. Тогда,

закутавшись въ лохмотья, она начинала тихонько молиться, звала къ себѣ мать и отца. Почему они ее не ищутъ? Неужели они уже о ней позабыли? Навѣрное, они сердятся на нее, а можетъ быть, даже и умерли съ горя. А если они и живы, если и думаютъ о ней, то развѣ теперь они узнали-бы ее, даже если-бы и увидѣли? Она такъ уже измѣнилась, такъ похудѣла и такъ похожа теперь на нищую въ этихъ отвратительныхъ лохмотьяхъ!.. Гдѣ-то теперь родной домъ? Гдѣ лампадка, освѣщающая такъ уютно комнату въ вечернюю пору? Гдѣ ласки матери? Гдѣ вкусное молоко, горячій чай, гдѣ кошка и собака, которыхъ Люба такъ любила? Теперь все это было потеряно безъ возврата, такъ какъ колымага была уже далеко отъ нашего города, такъ далеко, что все равно нельзя-бы было до него добраться даже и въ два-три дня. Что-же теперь дѣлать? Что дѣлать? Остается только одно—это какъ можно искреннѣе молиться Богу...

Переѣзжали изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку, и всюду Люба должна была показывать свое умѣнье плясать на канатѣ. Ея мечта исполнилась. Теперь и она, какъ когда-то неизвѣстная Граціоза, была одѣта въ легкое кисейное платье съ блестками и прыгала черезъ обручъ и посылала публикѣ воздушные поцѣлуи. Какіе интересные, полные успѣха и славы были для нея вечера! Но что они значили въ сравненіи съ тѣми лишеніями и одиночествомъ, которыя она испытывала ежедневно? И какъ далеко все это было отъ правды! На ней

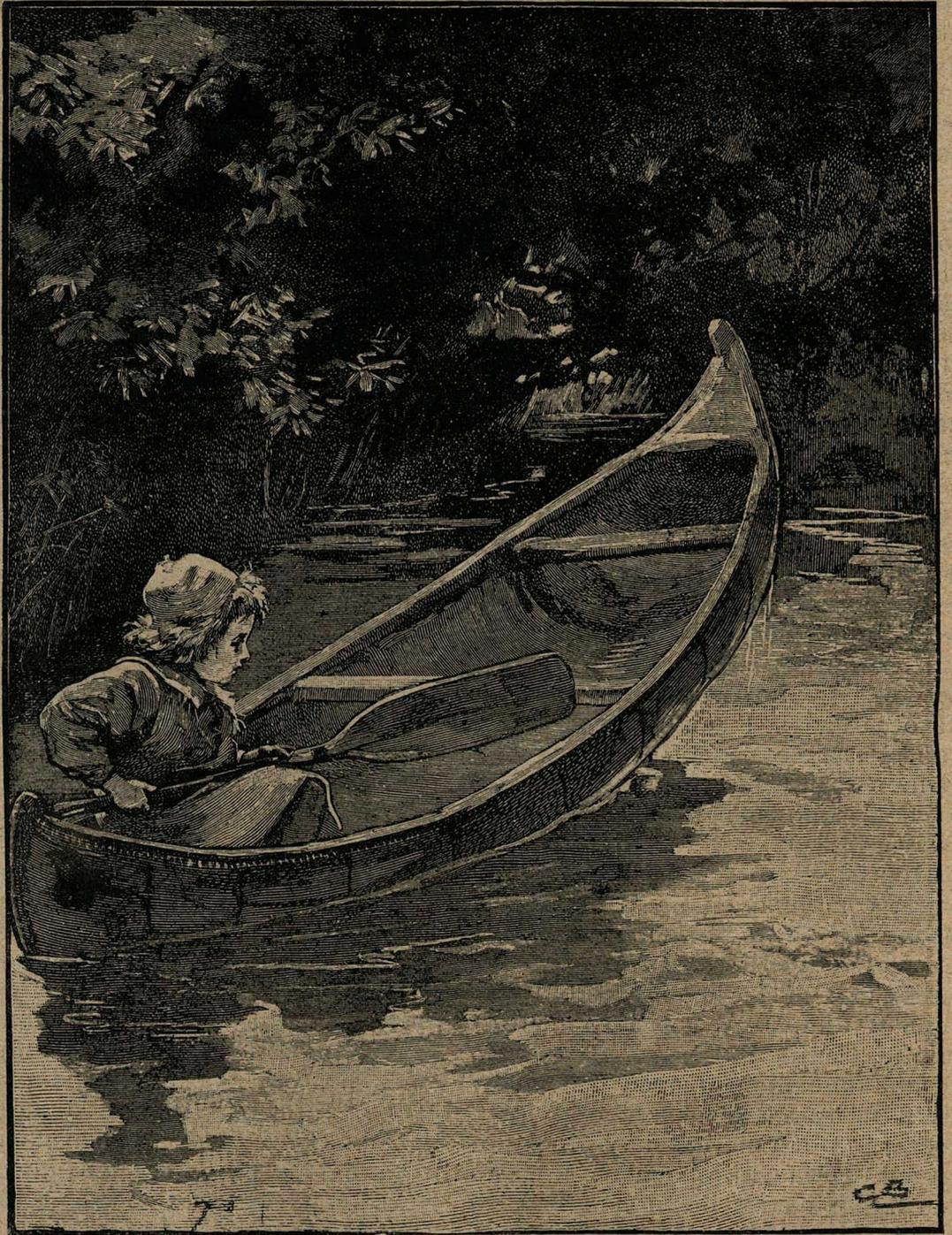
сверкали блестки, и она улыбалась, а на душѣ у нея было тяжело и мрачно, какъ въ могилѣ. Каждый разъ передъ представленіемъ Григорій намазывалъ себѣ лицо сажей и публика довѣрчиво принимала его за настоящаго негра. Голодная обезьяна въ костюмѣ солдата потѣшала зрителей,— и они не знали того, что каждая крошка хлѣба ей обходилась цѣною побоевъ. Вся жизнь выражалась для Любы и для обязыяны Кука въ двухъ словахъ: слава и страданіе, съ тою только разницей, что слава выпадала на ихъ долю по вечерамъ и всего только на одинъ часъ, а страданія тянулись непрерывно.

Люба поняла всю суетность своего тщеславія. Розовое кисейное платье было все въ дырахъ, бумажные, тѣлеснаго цвѣта чулки состояли изъ однихъ только заплатъ, браслеты и корона на ея головѣ были сдѣланы изъ картона, оклееннаго золотой бумагой. Не тѣ же ли это лохмотья?

— „Господи, прости меня! шептала Люба, когда одѣвалась одна.— Божія Матерь и ангель хранитель, сдѣлайте такъ, чтобы папа и мама нашли меня! Помогите мнѣ вернуться домой!“

И сознание сдѣланной ошибки теперь уже не покидало ее ни на одну минуту. Каждое утро и каждый вечеръ она думала о побѣгѣ, но колымага уходила все дальше и дальше и съ каждымъ поворотомъ ея колеса все болѣе удалялась отъ родины Любы.

Но вотъ какой-то новый, неизвѣстный городъ. Онъ маленькій, бѣленькій и прозрачное, голубое небо надъ нимъ кажется еще го-

На прудѣ.

Имениница.

любѣ отъ его бѣлыхъ построекъ. Онъ стоитъ у самаго берега моря на краю широкой безграничной степи. Цвѣтутъ бѣлыя акаціи и по всѣмъ улицамъ стоитъ густой ихъ запахъ. Обезьяна точно почувяла что-то, или точно этотъ запахъ акацій кажется ей роднымъ,— и какъ-то воспрянула духомъ и сразу повеселѣла.

Колымага въѣзжаетъ въ городъ, Григорій раскидываетъ балаганъ, наряжается негромъ, звонитъ звонокъ и представленіе начинается.

— „Пожалуйте! Пожалуйте! кричить онъ.—Сейчасъ начнется необыкновенное представленіе“.

Съ подведенными глазами и напруженными щеками Люба выходитъ на эстраду и начинаетъ танцевать. Прыгаетъ обезьяна въ солдатскомъ мундирѣ...

— „Ахъ, какъ все это мнѣ уже надоѣло! думаетъ Люба.—Поскорѣе-бы умереть“!...

Въ серединѣ толпы, среди зрителей, сидитъ худая женщина и пристально вглядывается въ лицо дѣвочки. Все свое вниманіе она сосредоточиваетъ на маленькой фигуркѣ Любы, прыгающей черезъ обручи и танцующей на канатѣ. Вотъ уже цѣлый годъ, какъ она съ мужемъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку и всюду заходитъ въ балаганы и присматривается тамъ къ маленькимъ комедіанткамъ. Это мать и отецъ Любы. Во время короткаго перерыва бѣдная женщина, дрожа и сама не своя отъ волненія, обращается къ своему мужу и спрашиваетъ его:

— „Алексѣичъ, ты всмотрѣлся въ эту дѣвочку? Право, можно подумать, что это наша Люба...“.

Печальное лицо мужчины дѣлается еще печальнѣе.

— „Тебѣ это кажется, угрюмо отвѣчаетъ онъ.—У этой дѣвочки брови черныя, а у нашей—свѣтлѣе; эта краснощекая, а наша поблѣднѣе. Нѣтъ, это не она“!

Но глаза его жены, которымъ пришлось уже такъ много выплакать слезъ, видѣли одну только эту маленькую танцовщицу на канатѣ и больше не замѣчали никого и ничего.

Представленіе кончилось. Григорій, который теперь былъ негромъ Джимбо, вышелъ на эстраду и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— „Милостивые государыни и милостивые государи! Сейчасъ малолѣтняя Катя, которой вы только-что любовались, обойдетъ вмѣстѣ съ этой обезьяной Кукомъ ваши ряды и попроситъ васъ уплатить за наши труды. Будьте снисходительны и раскошеляйтесь пощедрѣе“!

Люба взяла тарелочку и вмѣстѣ съ обезьяной пошла по рядамъ зрителей. Всѣ давали ей, кто сколько могъ. Дойдя до отца и до матери, она вдругъ узнала ихъ, вспыхнула, задрожала, выронила изъ рукъ тарелочку съ деньгами и взвизгнула на весь балаганъ:

— Мапочка! Мама! Мама!

Вслѣдъ за этимъ раздались пронзительные крики и неописуемый шумъ. Вся публика поднялась со своихъ мѣстъ, чтобы видѣть, какъ отецъ распростеръ свои объятія и заключилъ въ нихъ свою нашедшуюся дочь и какъ бѣдная мать не вынесла своего счастья и лишилась чувствъ.

— Полицію! Полицію! кричали всѣ.—Зовите сюда полицію!

Но было уже поздно. Когда явились квартальные, то они уже не нашли въ балаганѣ ни негра, ни его жены Дарьи. Осталась только одна бѣдная испуганная обезьяна, которая ухватилась за юбку Любы и не хотѣла отъ нея отходить.

А затѣмъ, когда все успокоились, отецъ и мать взяли съ собой свою пропадавшую дочь, умыли ее, переодѣли и повезли къ себѣ домой. Вмѣстѣ съ ними поѣхала и обезьяна. Говорятъ, что Григорія и Дарью послѣ поймали и посадили въ острогъ,—я этого точно не знаю. Но что я знаю очень хорошо,—такъ это то, что лучшей дѣвочки, какою потомъ была Люба, трудно было найти. Она вставала съ зарею, вела въ домъ все хозяйство, вязала, чинила бѣлье и безъ устали шила.

Жила она и одѣвалась просто, какъ роза, и никогда не носила ни лентъ, ни украшеній. Единственными ея украшениями были ея молодость и красота. Обезьяна еще долго жила у нихъ, и я была съ нею въ большой дружбѣ. Она любила кататься верхомъ на старой собакѣ Волчкѣ, но большую часть времени проводила съ Любой, стараясь поймать ея улыбку и почувствовать на себѣ ея дружескую, ласкающую руку...

Бабушка умолкла. На дворѣ по прежнему шумѣли деревья и шелъ дождь; еще долго мы сидѣли около нея, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, и молчали. Намъ было тепло и уютно и не хотѣлось разставаться съ героинею ея рассказа. А подъ печкой весело распѣвали сверчокъ.

Гіальмаръ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разказъ моей прабабушки.

(Продолженіе).

На слѣдующій день мой отецъ надѣлъ чернѣйшій сюртукъ, лакированные высокіе сапоги и сѣрый цилиндръ, то-есть одѣлся такъ, какъ обыкновенно одѣвался только въ большіе праздники, и, взявъ меня за руку, отправился вмѣстѣ со мною къ Джемсу Ольдкорту въ Прери. Меня тоже нарядили въ самое лучшее мое платье и даже приказали мнѣ натянуть на руки бѣлыя, вязанныя перчатки. Вся семья собралась проводить насъ. Мама была очень озабочена, сумѣю ли я держать себя въ благо-

родномъ обществѣ, и строго-настрого приказала мнѣ не говорить тамъ до тѣхъ поръ, пока меня не спросятъ, и отвѣчать только на одни вопросы.

— Пожалуйста, не болтай тамъ! говорила она.—Шутка-ли сказать? Вѣдь у Ольдкортъ бываютъ въ гостяхъ одни только графы да князья! Ты подумай, куда ты идешь? Вѣдь къ графинѣ! Вѣдь г-жа Ольдкортъ — урожденная графиня! Поэтому держи себя какъ можно лучше!

А все братья и сестры упра-

шивали меня запомнить изъ всего, что я тамъ увижу, какъ можно больше и рассказать имъ потомъ во всѣхъ подробностяхъ.

— Главное, ты обрати вниманіе на роскошь! говорилъ Джимъ. — Воображаю, какъ тамъ все дорого и хорошо!

— Счастливая!.. завидовала мнѣ сестра Нелли. — Какъ-бы я хотѣла туда тоже пойти!..

Въ усадьбу Прери мы отправились съ папой пѣшкомъ. Была отличная погода и всю дорогу мы шли молча. Папа мѣрно постукивалъ своей палкой, а я несла съ собой серебряный кубокъ. Встрѣчавшіеся намъ люди, при видѣ того, какъ мы, не смотря на будень, были наряжены, — останавливались и долго съ удивленіемъ смотрѣли намъ вслѣдъ. Мы прошли мимо развалинъ, гдѣ я показала папѣ то мѣсто, въ которомъ нашла кубокъ, затѣмъ свернули влѣво и минутъ черезъ двадцать были уже около воротъ усадьбы. Все кругомъ нея было расчищено и посыпано пескомъ и сквозь рѣшетчатые желѣзные ворота виднѣлась масса цвѣтовъ и подстриженныхъ красивыхъ кустиковъ. Били, какъ и всегда, фонтаны. На окнахъ дома были спущены отъ солнца маркизы. Вокругъ дома не было никого.

Папа надавилъ плечомъ калитку, но она оказалась запертой, и онъ позвонилъ. Для меня усадьба Прери всегда казалась земнымъ раемъ и теперь, готовясь войти въ нее, я немножко струхнула.

— Можетъ быть, ты, папочка, пошелъ-бы туда одинъ? робко сказала я.

Но онъ улыбнулся и тронулъ меня за подбородокъ.

— Храбрись, Соня! сказалъ онъ. — Еще и не вошли туда, а ты уже трусишь!..

Въ это время калитка отворилась и въ ней показалась благообразная старушка - привратница въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ.

— Господинъ Джемсъ Ольдкортъ дома? спросилъ ее папа. — Онъ принимаетъ?

— Пожалуйте, сударь, отвѣтила старушка. — Господинъ Ольдкортъ дома.

И мы вошли въ воображаемый мною рай.

Намъ пришлось пройти по широкой, усыпанной крупнымъ пескомъ, дорогѣ, по бокамъ которой возвышались вѣковыя деревья, сходявшіяся между собою вѣтвями, такъ что намъ пришлось идти подъ зеленымъ шатромъ. Сквозь листья пробивалось солнце и кругленькими пятнышками отражалось на свѣже-политомъ пескѣ. Пѣли птицы. Бѣгали между стволовъ красивые фазаны и едва только мы съ папой подошли къ одной изъ скамеекъ, какъ со всѣхъ сторонъ къ намъ стали сбѣгаться кролики, вѣроятно, ожидая отъ насъ что-нибудь получить. При видѣ ихъ мое сердце запрыгало отъ радости. Какъ я мечтала попасть когда-нибудь въ этотъ паркъ! Съ какой завистью поглядывала я на эти деревья сквозь рѣшетку ограды! И вотъ я здѣсь. Неужели сбылись мои мечты! Мы миновали небольшой прозрачный прудъ, по которому плавали бѣлые и черные лебеди, и подошли наконецъ къ дому.

— Какъ здѣсь хорошо, папа! воскликнула я. — Какой чудный здѣсь паркъ!

Папа серьезно посмотрѣлъ на меня.

— Отсюда нравоученіе, сказалъ онъ.—Каждый человѣкъ долженъ обязательно сажать деревья. Это въ послѣдствіи приноситъ радость и счастье другимъ!

Домъ былъ очень великъ и очень старъ. Ему было лѣтъ двѣсти, но онъ содержался въ порядкѣ и каждый годъ отдѣлывался заново. По его стѣнамъ вился дикій виноградъ, въ листьѣ котораго щебетали и возились воробьи. Вокругъ дома было насажено множество розъ, которыя были въ полномъ цвѣту. Мнѣ такъ хотѣлось сорвать одну изъ нихъ, но я не посмѣла!

Папа позвонилъ въ парадную дверь. Намъ отворилъ почтенный старичокъ въ ливреѣ. Это былъ личный лакей самого хозяина Джемса Ольдкорта. Мы часто встрѣчали его въ церкви.

— Здравствуйте, господинъ Хартрей, ласково обратился онъ къ моему отцу. — Я уже давно завидѣлъ васъ изъ окна и вотъ самъ вышелъ къ вамъ навстрѣчу. Не знаю, куда ушелъ швейцаръ. Вѣдь отворять двери—не мое дѣло! Милости просимъ, входите! А это ваша дочь? Пожалуйте, барышня! Вся въ свою мамашу!

Мы вошли.

— Вы, вѣроятно, къ господину Джемсу Ольдкорту? продолжалъ старичокъ.—Онъ сейчасъ выйдетъ. Онъ въ библиотекѣ. Я ему доложу.

— Да, у меня къ нему маленькое дѣльце, отвѣтилъ папа. — Но я его не задержу!

Старичокъ ввелъ насъ въ большую залу и, приотворивъ одну

изъ дверей, громко и почтительно въ нее доложилъ:

— Господинъ Хартрей съ дочерью желаютъ васъ, сударь, видѣть!

Мнѣ хотѣлось, чтобы хозяинъ не выходилъ подольше, такъ какъ было очень пріятно оставаться одной въ залѣ и оглядывать дорогія картины въ золотыхъ рамахъ, различныя бронзовыя вещи и мраморныя статуи, которыхъ было такъ много, точно въ музей. На всемъ играло солнце и, проходя черезъ хрустальныя висюльки на люстрахъ, радужными зайчиками отражалось на коврѣ и на стѣнахъ. Но лакей распахнулъ передъ нами дверь въ библиотечку и учтиво пропустилъ насъ впередъ.

— Пожалуйте, сказалъ онъ.—Господинъ Ольдкортъ проситъ васъ къ себѣ въ библиотечку.

Мы вошли. Не успѣла я и оглянуться, какъ большая, гладкая собака вскочила со своего мѣста и съ ворчаньемъ бросилась на насъ. Я вообще никогда не боялась собакъ, но здѣсь, благодаря неожиданности, вскрикнула.

— На мѣсто! Кушъ! слышался чей-то голосъ.—Не бойтесь, моя милая! Леда не кусается!

Мнѣ было неловко своей трусости и я стала уже ласкать Леду по головѣ. Собака тотчасъ-же завилыла хвостомъ и лизнула меня въ самое лицо.

— Bravo! слышался опять тотъ-же голосъ.—Такъ сразу подчинить себѣ такую собаку! Молодецъ дѣвица!

И высокій, бритый, пожилой господинъ поднялся со своего мѣста и пошелъ къ намъ навстрѣчу.

— Здравствуйте, г-нъ Хартрей, сказалъ онъ.—Очень радъ васъ видѣть! Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? А это что за дѣвица?

— Это моя старшая дочь, отвѣтилъ папа, пожимая руку Джемсу Ольдкортъ, — Софія!

— Будьте, какъ дома, Соня, обратился Ольдкортъ ужъ ко мнѣ, — не стѣсняйтесь. Займитесь здѣсь съ Ледой или-же пока мы будемъ здѣсь разговаривать съ вашимъ папой, — побѣгайте по цвѣтнику. У насъ здѣсь есть ручныя лани.

Отецъ помялся.

— Виновать, господинъ Ольдкортъ, сказалъ онъ.—Ея присутствіе здѣсь необходимо, такъ какъ собственно она и виновница того, что я къ вамъ пришелъ...

Джемсъ Ольдкортъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на меня.

— Она? удивился онъ. — Въ чемъ-же дѣло? Садитесь! Рассказывайте!

Мы сѣли. Отецъ откашлялся и вытеръ платкомъ лицо. Я робко отглядѣла полки съ безчисленнымъ количествомъ книгъ.

— Ну-съ? продолжалъ хозяинъ. — Я готовъ васъ слушать.

Я посмотрѣла на отца. Онъ ободрительно кивнулъ мнѣ головой. Не зная, съ чего и какъ начать, я развернула серебряный кубокъ и протянула его къ Ольдкортъ.

— И что-же я долженъ дѣлать съ этой вещью? спросилъ онъ.

— Я нашла его!.. твердо, но не безъ волненія отвѣтила я.

Ольдкортъ взялъ отъ меня серебряный кубокъ и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Гдѣ вы его нашли, дитя мое? спросилъ онъ.

— Въ развалинахъ... отвѣтила я. Но тутъ вступился мой отецъ.

— Вотъ видите-ли, началъ онъ. — Кто-то уже давно-давно спряталъ этотъ кубокъ въ одну изъ расщелинъ тѣхъ развалинъ, которыя находятся на моей землѣ и принадлежатъ мнѣ. Но такъ какъ эту землю вмѣстѣ съ развалинами мой отецъ купилъ именно у вашего отца, и покупалъ именно землю и развалины, а не этотъ кубокъ, то мы и не считаемъ его своимъ.

— Значить, вы считаете его, спросилъ Джемсъ Ольдкортъ, — принадлежащимъ мнѣ?

— Такъ точно, сударь! подтвердилъ отецъ.—Во всякомъ случаѣ онъ не нашъ!

Мнѣ стало досадно на папу, что онъ такъ легко разставался съ моей находкой.

— Но почему-же вы думаете, продолжалъ Ольдкортъ,—что эта вещь должна была принадлежать непременно моему отцу? Могу васъ увѣрить, что во всемъ нашемъ роду у насъ никогда такихъ кубковъ не было.

У меня отлегло отъ сердца. Значить, кубокъ останется моимъ!

Джемсъ Ольдкортъ снова отглядѣлъ кубокъ со всѣхъ сторонъ.

— Нѣчто подобное я видѣлъ въ одной семьѣ во Франціи, сказалъ онъ,—но хорошенько не помню. Здѣсь написано: „Исполняй свой долгъ“. Кажется, точно такая-же надпись была и тамъ. Но совершенно невѣроятно, чтобы этотъ кубокъ попалъ изъ Франціи къ намъ сюда и оказался въ расщелинѣ развалинъ.

— И какъ-же я долженъ теперь

съ нимъ поступить? спросилъ отецъ.

— Во всякомъ случаѣ я отъ него отказываюсь. Можете зять его себѣ. Онъ нашелся на вашей землѣ,—поэтому вамъ и принадлежить.

Я торжествовала. Я почти выхватила кубокъ изъ рукъ Ольдкорта и прижала его къ груди.

Старый помѣщикъ улыбнулся. Пока я заворачивала затѣмъ кубокъ въ бумагу, Леда подошла ко мнѣ и стала ласкаться.

— А я очень радъ, господинъ Хартрей, что вы ко мнѣ зашли,—обратился Ольдкортъ къ моему отцу уже совсѣмъ другимъ тономъ.—Я давно хотѣлъ съ вами поговорить о хозяйственныхъ дѣлахъ и кое-что вамъ предложить. Не возьмете-ли вы у меня въ аренду то большое поле, которое примыкаетъ къ вашему имѣнію около плотины и буковаго лѣса?

Лицо отца просіяло. Онъ давно уже мечталъ объ этой арендѣ.

— Очень радъ... отвѣтилъ онъ, потирая руки.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Ольдкортъ,—давайте мы отправимъ эту барышню къ моей женѣ, а сами поговоримъ, а то ей съ нами будетъ скучно.

И, взявъ меня за руку, онъ приказалъ Ледѣ лечь на мѣсто и вывелъ меня изъ библіотеки.

Мы прошли черезъ залъ и черезъ какой-то корридоръ подошли къ стеклянной двери, сквозь которую я увидѣла массу цвѣтовъ. Это была оранжерея. Мнѣ ужасно хотѣлось попасть въ нее, но хозяинъ поднялся со мною по лѣстницѣ съ рѣзными перилами наверхъ и постучалъ въ одну изъ дверей.

— Иногда въ этотъ часъ она спитъ... сказалъ онъ тихонько.

— Войдите! послышался голосъ. Мы вошли.

— Я привелъ къ тебѣ гостью, сказалъ Ольдкортъ и подвелъ меня къ красивой молодой дамѣ, лежавшей на софѣ у окна.—Здравствуй, Джульета, я еще сегодня тебя не видалъ!

И онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Это дочь нашего сосѣда Хартрея, продолжалъ онъ.—Сейчасъ онъ у меня внизу, у насъ съ нимъ маленькое дѣльце,—такъ ты ужъ займись, пожалуйста, съ этой дѣвицей.

— Очень рада, отвѣтила дама.

Джемсъ Ольдкортъ удалился. Я осталась съ его женой одна.

— Подойдите ко мнѣ поближе, дитя мое, обратилась она ко мнѣ.—Я больна и не могу двигаться. У меня не дѣйствуютъ ноги...

Комната, въ которой я теперь находилась, привела меня въ восхищеніе. Всѣ стѣны ея были свѣтло-голубыя, коверъ—тоже голубой, вся мебель—тоже голубая и кругомъ все стояли въ горшкахъ бѣлыя лиліи и еще какіе-то красивые голубые цвѣты. Воздухъ былъ такъ напоенъ ароматомъ, что съ непривычки было какъ-то даже странно имъ дышать. Въ довершеніе ко всей этой роскоши, сама обитательница этой комнаты показалась мнѣ такой красивой, какъ ангель. Она была совсѣмъ еще юна, во всякомъ случаѣ по внѣшнему виду ее скорѣе можно было принять за дочь Джемса Ольдкорта, чѣмъ за жену. Она была блѣдна и казалась хрупкой на видъ и какая-то печаль свѣтилась въ ея большихъ, темныхъ глазахъ.

Летятъ!.

— Мама, проснись!..

— Подойдите ко мнѣ поближе, дитя мое, повторила она.

Я подошла. Она притянула меня къ себѣ и поцѣловала.

— Садитесь сюда поближе, сказала она и указала мнѣ мѣсто около себя на той же софѣ, на которой и лежала. — Разскажите мнѣ, кто вы, изъ кого состоитъ ваша семья, зачѣмъ вы сюда пришли?..

Она такъ просто держала себя со мной и такъ мнѣ понравилась съ перваго-же взгляда, что я сразу-же почувствовала къ ней какую-то близость. У меня развязался языкъ и я безъ удержу стала рассказывать ей про всѣхъ своихъ домашнихъ, про развалины, про свою находку и про то, какъ мы всѣ живемъ и что дѣлаемъ.

— Счастливые!—вздохнула госпожа Ольдкортъ.—Васъ такъ много и потому вы всѣ такъ дружны между собой и такъ всегда веселы!

Я посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— А развѣ вы несчастливы? спросила я ее.

— Нѣтъ! отвѣтила она твердо.— Я глубоко несчастна.

— Почему? удивилась я.— У васъ всего такъ много!.. Такъ у васъ хорошо!..

Г-жа Ольдкортъ грустно улыбнулась.

— А вы позабыли о томъ, что я не могу двигаться?.. продолжала она.— Ахъ, дитя мое, съ какимъ наслажденіемъ я побѣгала-бы съ вами сейчасъ въ саду! Я такъ любила когда-то бѣгать!

— Отчего-же вы не лечитесь?

— Я лечилась. Всѣ средства, уже испробованы, только ничто не

помогло. Это такъ огорчаетъ моего бѣднаго мужа! Вмѣстѣ со мной принужденъ въ этой усадьбѣ безвыходно сидѣть и онъ, а по своему происхожденію и богатству онъ могъ-бы теперь состоять при самомъ его величествѣ королѣ... Его также огорчаетъ и то, что у насъ нѣтъ наследника... Къ кому все это перейдетъ? Вмѣстѣ съ моимъ мужемъ угаснетъ и его родъ, а онъ существовалъ уже болѣе тысячи лѣтъ. Это такъ прискорбно...

И въ порывѣ какой-то внезапно-нахлынувшей ласки она вдругъ крѣпко обняла меня и стала горячо цѣловать.

— Ахъ, какъ я люблю дѣтей! воскликнула она.—Вы обязательно должны ко мнѣ приходите! Придете?

Я встала съ кушетки и сдѣлала ей реверансъ.

— Благодарю васъ... отвѣтила я.—Вы такъ любезны...

Въ это время на лѣстницѣ вдругъ послышались шаги и въ комнату вошли Джемсъ Ольдкортъ и мой папа.

— Позволь, Джульета, обратился къ женѣ Ольдкортъ,—представить тебѣ нашего сосѣда господина Хартрея!

И, продолжая начатый еще ранѣе съ моимъ отцомъ разговоръ, онъ сказалъ:

— Да, господинъ Хартрей, какъ я посмотрю,—вы самый счастливый человѣкъ въ мірѣ: у васъ столько дѣтей и всѣ они здоровы. А у меня нѣтъ ни одного! Умру—и некому передать всѣхъ этихъ имѣній и всѣхъ документовъ нашего стариннаго, высоко чтимато рода!.. Все это перейдетъ теперь вѣроятно въ казну!

И онъ глубоко вздохнулъ.

— А развѣ у васъ нѣтъ никого изъ ближайшихъ родственниковъ? спросилъ отецъ.

— У меня была только одна сестра Люси, но она противъ воли моего отца и моей вышла замужъ не за англичанина, а за француза—нѣкоего маркиза Бугенвиля. Не получивъ благословенія отца, она убѣжала и повѣнчалась тайкомъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ своей сестры Люси ни разу и не знаю, какова была ея судьба. Я знаю только навѣрное, что ея мужъ маркизъ Бугенвиль чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ своего французскаго короля и, кажется, умеръ въ тюрьмѣ, а моя сестра Люси тогда-же умерла. Всѣ ихъ имѣнія и капиталы были отобра ны въ казну. Между прочимъ, бывая у Бугенвилей въ Парижѣ еще задолго до брака маркиза съ моей сестрой, я видѣлъ у нихъ серебряный кубокъ, подобный тому, который нашла ваша дочь... Но хорошенько не помню. Ахъ, если-бы послѣ сестры остался ребенокъ! Я такъ былъ-бы этому радъ! Я передалъ-бы ему еще при жизни все. Онъ былъ-бы моимъ наслѣдникомъ! Я не простилъ сестрѣ Люси ея брака, но все сдѣлалъ-бы для ея ребенка! Дѣти не виноваты ни въ чемъ!

— А послѣ нея развѣ не осталось дѣтей? спросилъ отецъ.

— Говорили, что была одна дочь. Но всѣ наведенныя мною въ свое время справки не привели ни къ чему. Слишкомъ ужъ скоро надъ этой несчастной семьей разразилась гроза; маркиза куда-то запрятали такъ, что его никто послѣ и не нашель, а если дочь—

дѣвочка и была, то, вѣроятно, безъ матери и безъ отца скоро померла. Во всякомъ случаѣ я не знаю о ней ничего, да, признаюсь, и увѣренъ даже, что ея вовсе и не было...

Папа и супруги Ольдкортъ еще долго разговаривали, а я сидѣла тутъ-же и, какъ меня учили еще съ малыхъ лѣтъ, старалась не вслушиваться въ разговоръ старшихъ и отвѣчать только тогда, когда меня спрашивали. Какъ вдругъ Ольдкортъ подскочилъ къ своей женѣ и схватилъ ее за руку.

— Тебѣ дурно, Джульета? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.—Ты устала?

— Нѣтъ, мой другъ... еле пролепетала она въ отвѣтъ.—Это такъ... Это пройдетъ!.

Она была блѣдна, какъ смерть. Вѣроятно, отъ двухъ мужскихъ голосовъ ей сдѣлалось нехорошо, но она быстро овладѣла собой и насильно улыбнулась.

— Уже прошло... продолжала она.—Не безпокойтесь.. Эта такъ!

Но мой папа уже взялся за цилиндръ и сталъ раскланиваться.

— Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго, сказалъ онъ.—Мы, кажется, васъ утомили. Но вы такъ любезны, что мы какъ-то невольно у васъ засидѣлись. Пойдемъ, Софія!

Я сдѣлала реверансъ и приготовилась уходить.

— Подождите немного, сказала г-жа Ольдкортъ.—Соня, подойдите ко мнѣ поближе... Я хочу вамъ что-то подарить.

Она развязала на шеѣ голубую ленту, сняла съ нея золотой медальонъ и протянула его ко мнѣ.

— Возьмите это себѣ на память, обратилась она ко мнѣ.

Я хотѣла было взять, но папа отказался наотрѣзъ.

— Благодарю васъ, сударыня, сказалъ онъ.—Но я просилъ-бы васъ этого не дѣлать. Дѣти не должны получать такихъ дорогихъ подарковъ.

— Но вѣдь это на память!

— А если на память, то съ нея будетъ довольно и этой ленточки!

Госпожа Ольдкортъ подумала немного, а затѣмъ вдѣла въ медальонъ и ленточку и обѣ эти вещи протянула опять ко мнѣ.

— Носите на здоровье! сказала она.—И не забывайте обо мнѣ!

Всю дорогу обратно мы шли въ глубокомъ молчаніи. Мое сердце билось отъ всего того, что мнѣ только-что пришлось пережить, и то, что у меня остался серебряный кубокъ, да вдобавокъ я еще получила въ подарокъ золотой медальонъ, заставляло меня чувствовать себя на седьмомъ небѣ. Отецъ же шелъ весь погруженный въ свои думы. Онъ взялъ въ аренду новую землю, былъ доволенъ и въ то-же время его пугало то, что для ея обработки понадобятся новые расходы.

— Ты, кажется, плохо поблагодарила г-жу Ольдкортъ за пода-

рокъ... только и сказалъ онъ, когда мы уже подходили къ дому.

Но я не отвѣтила ему ничего.

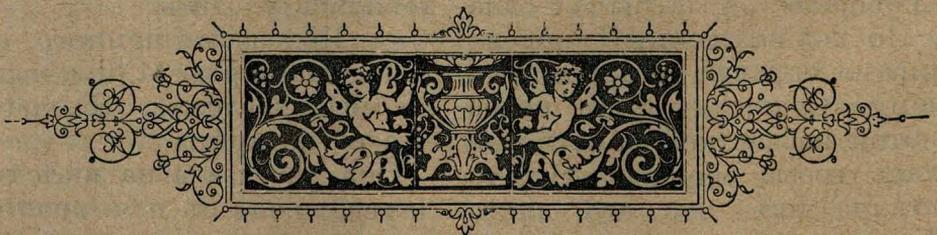
Придя домой, мы застали всѣхъ за чаемъ. Всѣ повскакивали изъ-за стола, окружили насъ со всѣхъ сторонъ и стали спрашивать. Мнѣ приходилось по десяти разъ пересказывать одно и то-же, никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить, что я познакомилась съ самой г-жей Ольдкортъ и мой медальонъ переходилъ съ руеъ въ руки и вызывалъ всеобщее восхищеніе. Серебряный кубокъ былъ торжественно поставленъ въ гостиной на полочкѣ и покрытъ стекляннмъ колпакомъ. Теперь уже онъ былъ мой и никто этого не оспаривалъ.

Цѣлыя двѣ недѣли я ходила, точно пьяная, точно въ угарѣ отъ посѣщенія усадьбы Прери. Госпожа Ольдкортъ была властительницей всѣхъ моихъ думъ и мечтаній, и я была очень огорчена, когда разнеслась вдругъ вѣсть, что она очень занемогла и что мужъ неожиданно увезъ ее въ теплые края. Все въ усадьбѣ Прери съ ихъ отъѣздомъ опустѣло и притихло и громадный домъ былъ запертъ на всю зиму и не отапливался уже до весны.

Такъ я и не побывала въ другой разъ у г-жи Ольдкортъ.

По „The silver flagon“ изъ „Chatterbox“.

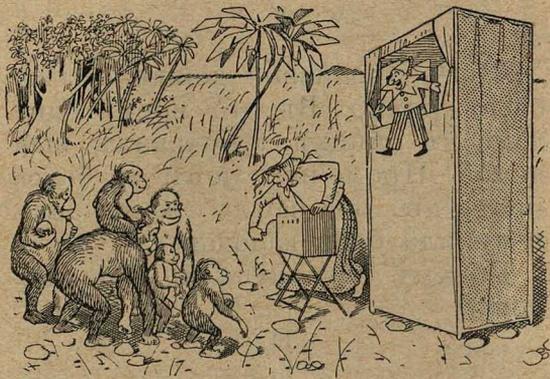
(Продолженіе слѣдуетъ).

I.

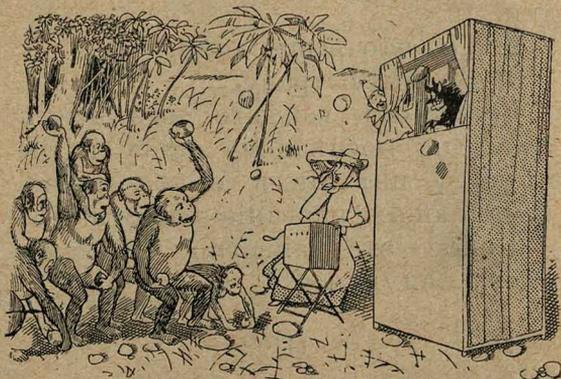
IV.

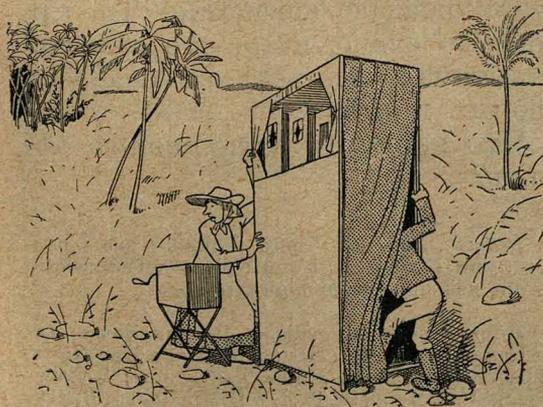
II.

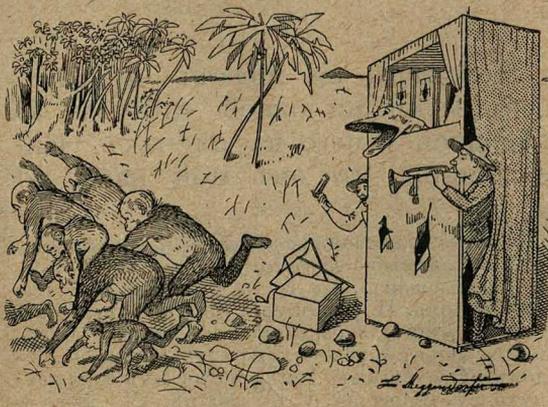
V.

III.

VI.

Представление в Центральной Африкѣ или „У страха глаза велики“.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шель проливной дождь. Всюду было грязно. Въ это время одна дама въ однихъ туфелькахъ шла домой. Промочивъ ноги и боясь простуды, она зашла въ магазинъ и купила себѣ калоши.

Почему она купила себѣ калоши?

II.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, что ѣдятъ въ скоромные дни.

2) То, что выше дома.

3) Водяную траву.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе животнаго.

Какое это животное и какія слова задуманы?

III.

Шутка. Слыхали-ль вы когда-нибудь крикъ журавля?

IV.

Человѣкъ не можетъ прожить безъ меня ни одной минуты. Я вѣшаюсь у него на плечахъ. Казалось-бы, что онъ мой рабъ, но

наоборотъ — онъ можетъ меня пороть, повѣсить и даже продать.

Что я такое?

V.

Чтобы дать мнѣ дорогу, моя сестра неуклонно идетъ впередъ и кусаетъ больно того, кто станетъ у нея на пути. Я-же влѣзаю ей въ ухо, хотя я и не серъга. Безъ сестры я значу мало, а сестра безъ меня — не значитъ и вовсе ничего. Безъ меня она не нужна, но безъ нея я безсильна.

Кто мы?

VI.

Первую часть города составляютъ огороды, а вторую — нежилое строеніе.

Какой это городъ?

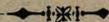
VII.

Почему рѣки текутъ именно отъ истоковъ къ устьямъ, а не наоборотъ?

VIII.

За то, что капитанъ судна даль ему погибнуть на мелкомъ мѣстѣ — его ожидало наказаніе. То, гдѣ погибло судно, и то, что ожидало капитана, — онъ везъ въ подарокъ своимъ дѣтямъ.

Что капитанъ везъ своимъ дѣтямъ?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 10, помѣщенныхъ въ № 10 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки. I. Въ гости пришли бабушка, мать и дочь. II. Характеръ, кротъ, ротъ, тракторъ, кратеръ, икра, карта, хоръ, терка, театръ, икота, карета, ракета = Архитекторъ. III. За домъ куры бѣгаютъ тогда, когда ихъ туда кличутъ. IV. Буква „о“. V. По азбукѣ. VI. ...коро + ва (корова), ...соба + ка (собака), кошка, ...кры + са (крыса), ...ца + пля (цапля), ...о + сель (осель), ...лягу + шка (лягушка). VII. Впередъ.

Ребусъ № 8: Око + лобъ + очки + два + ш + а + луна + п + ромъ + очи + ли + ноги = Около бочки два шалуна промочили ноги.

Верныя рѣшенія прислали: Володя Заксъ, Татьяна Каледина, Сестры Исиковы, Елена Мироничъ, Вѣра Левандовская, Миша Третьяковъ, К. Евтушевскій, М. Чернова, Т. Л. и Б. Макаровы, К. Широченко, С. Таточко, Л. Богушъ, Л. и Э. фонъ-Рихтеры, Ш. Малолѣтковъ, М. Жуковъ, К. Нечипаевскій, А. и С. Шатовы, Н. Зеленская, В. Саница, Ш. и А. Николаевы, С. Богдановскій, Л. и Н.

Епанчины, Л. Щегловъ, А. Хожайновъ, З. Свиридова, А. и С. Корсаковы, Дѣти Государевы, Т. Войденкова, Т. и В. Евстратовы, Л. Зубко, С. Ащеуловъ, Р. Ростовская, З. Хруцкая, З. Пржемовская, Ю. и В. Федоровы, К. и Л. Полярославцевы, Муся-Бабочка, Т. Ивановичий, П. и Ш. Соловьевы, Т. Радионова, О. Скворцова, Ядя Музольтъ, С. Дементьевъ, М. Логвиновъ, В. Сегаловъ, Л. Ковалева, Ш. Брукъ, В. Шушеровъ, С., Л. и Ж. Мокшановы, М. Дунаевскій, М. Тимофеева, А. и Н. Мосусовы, Е. Самсонова, К. Брюшкова, Е. Багрецова, К. и Ш. Москаленко, Т. и Б. Булгаковы, М. Бъллармаровъ, К. Епанешниковъ, Салибъ-Ханъ-Джигитъ, Н. Бергштрессеръ, Я. Бахматовъ, М. и Г. Адрозъ, Ж. Руденко, В. Цивкина, П. и Н. Николаевы, В. и Н. Слезингеръ, Г. Римапъ, К. Котко, Л. Скупникъ, М. Кострицкая, Л. и Р. Яхнинъ, Г. Левинъ, И. и Г. Рахъ, Т. Булганина, Ш. и К. Пархомовичъ, Л. Гидони, К. и З. Жаковы, Л. Кубецкій, Т. Моньякова, А. Вакаръ, В. Сафонова, А. Барковъ, П. Далякъ, Д. Дягилевъ, М. Липкинъ, В. Ширшовъ, Куртъ Моридъ, А. Русисъ, Дѣти Иссерлисъ, Э. Шмидтъ, Б. Вѣтринскій, Дѣти Глинтерникъ, М. и Я. Завовскіе, А. Маламудъ, Т. Савостьянова, Дѣти Порфирьевы, С. Будманъ, Л. Будманъ, Д. Вдовиковская, Г. Баранова, Н. Ивицкая, Ш. Герхо, Т. Студеникина, В. Сухининъ, В. Крестовскій, Л. Васильева, Дѣти Мерзликны, Л. и Л. Добровольскія, И. Медвѣдева, И. Милухо-Маклай, Ф. Зотова, Т. Вобровъ, Т. и А. Надеждины, В. Глушановскій, Г. Левченко, К. Златогурскій, Н. Гершельманъ, А. Востремъ, В. Шераповъ, В. Кузякинъ, Н. Симовъ, Т. Маркова. Н., М. и В. Колпаковы. Н. Дембо,

М. Щуневичъ, В. Сафронова, В. Людкевичъ, В., З. и Ж. Бондоровскіе, Игорь Филиповскій, Ж. Скабалановичъ, Н., Ж. и Л. Ивановы, Ст. Маркевичъ, И. и Г. Вейссъ, Л. Корзинчикова, Б. Эттингеръ, Г. и Т. Манченко, А. Бетцъ, В., К. и Н. Години, К. Карчевскій, К. и Б. Рачинскіе, П., С. и Г. Лисенко, Т. Кнерцеръ, Н. и К. Адриановы, Рая, Лена, Леля и Толя изъ Починокъ, К. и Л. Алексѣевы, В. Блумбергъ, Н. Розенцвейгъ, В. Философовъ, П. Герасимовъ, М. Глазенацъ, Минтаутъ Силинъ, В. Коломаревъ, З. Ривина, Т. и Р. Вавагъ, З. Троцкая, О. и В., К. Сухаржевскій, Н. и В. Серебренниковы, М. Дунаевскій, М. и О. Гемпель, Ж., Л. и К. Лаврентьевы, Н. и М. Папмель, В. Сегаловъ, Т. и О. Завьяловы, М. и И. Карабликовы, К. и Т. Пустоваловы, В., Н. и С. Тевилины, В. и Т. Кузовкины, Ж. Сиверсъ, В. Юргенсъ, Л. Вильманъ, Ш. Вильманъ, Г. и Т. Каминскій, А., К. и Т. Малыхъ, О. и Л. Яницкіе, С. Ксенократовъ, К. Багрецова, Т. Никифорова, В. Курбатовъ, Ш. Леонтьевъ, Дрыпанъ и Грызунъ, Н. Палецкая, Г. Екимовская, В. Влумбергъ, З. Крикова, Е. Мироничъ, А. О. Мальцева, Т. Евстратова, В. и К. Ивашкевичъ, Л. Вѣгунъ, В. Федоровъ, Ш. Ефремовъ, Л. и В. Печеновы, С. Воловикъ, Н., С. и Т. Богдановы, В. Святенко, В. Стривикова, В. и К. Щировскіе, В. Огарковъ, Дѣти Сопотовы, М. Петрова, И. Короткій, Л. и С. Красницъ, И., М. и К. Казанцевы, В. Бирюковичъ, Л. Ковалева, Ш. Сукачевъ, Дѣти Паренко, Л. Крылова, Дѣти Видавскіе, Н., Р., А. и К. Антоновы, П. К. Заню, К. и Д. Краузъ, В., М. и В. Крестовы, С. Мчедлдзе, Л. Крюковъ, Ж. и Ж. Шитовы, Н. Зеленская, С. и В. Бирюковы, Ш. Опольскій и В. Миткевичъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Это уже послѣдній номеръ „Золотою Дѣтства“ за первое полугодіе. Подписчиковъ, подписавшихся только на первое полугодіе, просятъ воспользоваться доставкой слѣдующаю взноса въ размѣрѣ двухъ рублей, чтобы не было перерыва въ высылкѣ илз „Золотою Дѣтства“.

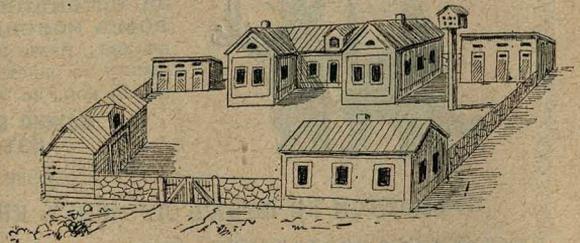
—> Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26. —<

Читали-ли Вы книжку

„Дружокъ и Дожка“?

Если не читали, то прочтите. Она только-что вышла въ свѣтъ **вторымъ изданіемъ**. Очень интересно. Ц. 40 к., а съ перес. 60 коп.

Высылается наложеннымъ платежомъ. Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 12.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ: «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетъ и безъ переплета).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».**

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“. ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ во
ученичeskія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель **М. П. ЧЕХОВЪ.**

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала **„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.